

В мире, откуда пришёл Ин Фэйчи, уровень культивации определял чистоту и мощь духовной энергии в теле — от начальной стадии Очищения Ци до самого Преодоления Скорби. Способов же направить эту силу существовало великое множество, но в целом их разделяли на три пути: использование артефактов, заклинаний и талисманов.

Трудно было сказать, какой из них возвышеннее — каждый, доведённый до совершенства, даровал адепту поистине божественное могущество. Однако Тайцин-цзы любил повторять: все три пути хороши в бою, но лишь заклинания и талисманы пригодны для повседневных нужд. Причём талисманы — самые долговечные, а потому подходят практику на любом этапе его пути.

Тайцин-цзы учил, что высшее мастерство — это начертание знаков прямо в воздухе, чистой энергией, не нуждаясь в основе. Средний уровень требовал кисти, киновари и жёлтой бумаги. Низший же способ заключался в резьбе: в качестве инструмента выступал нож, а материалом служило дерево. Клинок считался лучшим проводником для вливания духовной силы — не зря ведь так много адептов выбирали путь меча и повсюду грезили о полётах на острие. Дерево же, воплощающее стихию Жизни, став вместилищем Ци, могло хранить её активность очень долго. Конечно, если вложенная сила была слаба, то и эффект быстро сходил на нет.

Ин Фэйчи попросил у Чжоу Маня нож из коровьего рога именно для этого — он хотел вырезать несколько талисманов.

Когда Тайцин-цзы покинул этот мир, Фэйчи был ещё совсем мал, так что большую часть знаний он почерпнул из переписанных книг. Остальное он подглядел у самой школы Ланфэн, стены которой были буквально испещрены защитными и бытовыми знаками.

Например, Талисман Уборки. В Ланфэн его можно было встретить на каждом шагу. Фэйчи видел их с детства: в комнатах, защищённых этим символом, никогда не скапливалась пыль.

Чжоу Мань вышел из кухни, вытирая пот со лба. В руках он нёс охалку отваренных побегов бамбука. Под навесом, пристроившись на крыльце, он увидел Ин Фэйчи: тот, обняв увесистое полено, самозабвенно ковырял его ножом.

«Может, я уделяю ему слишком мало внимания?» — невольно кольнула Чжоу Маня совесть.

Бамбуковые побеги — продукт капризный, оставлять их на ночь не стоило. Вчера, вернувшись из леса с полной корзиной, Чжоу Мань едва держался на ногах от усталости, так что пришлось вставать на рассвете и разжигать огонь. Котелок у него был небольшой, за один раз влезало лишь несколько штук, так что порцию за порцией приходилось варить всё утро. К счастью, в маленькой посуде вода закипала быстро. Однако август — пик сезона для побегов жёлтого бамбука. Чжоу Мань прикинул, что ему всё-таки придётся купить котёл побольше и сложить для него приличный очаг.

Мысль о новых тратах заставила его помрачнеть. Он сельский учитель, и когда начнётся учебный год, времени на заработки почти не останется. К ноябрю в деревне жизнь и вовсе

замирает. Ему отчаянно нужно было найти способ поднять хозяйство, какой-то коммерческий путь, который расшевелит экономику деревни. Но где взять идею? И где достать деньги, чтобы хотя бы подлатать дорогу?

Чжоу Мань вздохнул, отгоняя тяжёлые думы, и принялся раскладывать побеги.

Приготовление сушёного бамбука — дело хлопотное. Сначала его нужно срезать в горах, очистить от жёсткой шелухи и старой кожицы, а потом ещё дотащить до дома — на это уходит добрая половина дня. Затем — варка. После этого целые побеги выкладывают на солнце. Как только поверхность подсохнет, их нужно разрезать вдоль, расправляя веером. Дальше — ежедневная сушка: побеги нужно переворачивать, следя за тем, чтобы они проветривались. Стоит им хоть немного сопеть в жару, как тут же появится белая плесень, и весь труд пойдёт прахом. Правильно высушенный на солнце или над углями бамбук становится тёмно-коричневым, очень твёрдым и гибким.

Сушёный бамбук — идеальный ингредиент для «хого», он отлично впитывает масло, оставаясь при этом хрустящим и сладковатым. В уезде L принято тушить его с домашней курицей: бульон получается прозрачным, золотистым, почти без жиринки. Именно поэтому бамбук всегда был главным товаром деревни Гуаньцзян. Чжоу Мань тоже надеялся на свой бамбуковый лес, но ручной труд стоил слишком дорого — за месяц каторжной работы можно было выручить лишь несколько десятков юаней.

«Как же повысить эффективность?» — этот вопрос не давал ему покоя.

— Э-э-эх!.. — раздался разочарованный возглас.

Ин Фэйчи отбросил полено и нож, в бессилии растянувшись на земле в позе «звезды».

— Что случилось? — Чжоу Мань закончил раскладывать последнюю партию и подошёл к нему. Ещё недавно парень казался вполне довольным своим занятием.

— Чжоу Мань, глупость — это приговор, — вяло пробормотал Ин Фэйчи, прикрыв глаза ладонью. — Ну почему у меня не получается вырезать даже простейшее Заклятие Уборки?

Чжоу Мань ничего не понимал в магии, но он был учителем и привык решать задачи.

— Подумай ещё раз, — сказал он. — Материал, метод... Разбери всё по пунктам, поищи, где закралась ошибка.

— С материалом всё в порядке: дерево и нож. Метод... тоже верный. Нужно наполнить клинок Ци и вести линию за остриём. Я это сделал, — голос Фэйчи звучал глухо. — Но почему узор не оживает?

Чжоу Мань присел рядом, взял брошенную деревяшку и, повертев её в руках, негромко рассмеялся:

— Попробуй вырезать такой сложный узор на крошечном кривом полене? Неудивительно, что ничего не вышло.

— Но у других же получалось! — упрямо возразил Ин Фэйчи.

— Скажу тебе как учитель: ты ещё ходить не научился, а уже пытаешься бегать, — Чжоу Мань потянул его за руку, заставляя подняться. — Идём. Я помогу тебе найти нормальный материал.

«Нормальный материал? Что это?» — Фэйчи послушно последовал за Чжоу Манем. Тот прихватил из кухни тесак и повёл его в гору. Минут через тридцать они вышли к зарослям жёлтого бамбука. Чжоу Мань велел Ин Фэйчи стоять в стороне, а сам, выбрав самый мощный стебель, принялся споро его рубить.

— Что ты делаешь? — всполошился Ин Фэйчи. — Ему же столько лет расти пришлось!

— Ничего, жёлтого бамбука здесь полно, — Чжоу Мань, обладавший недюжинной силой, быстро свалил дерево толщиной с добрую чашу. Он ловко обрубил ветки и верхушку, вручил тесак Ин Фэйчи, а сам вскинул бамбук на плечо.

— Пошли домой.

Ин Фэйчи шёл следом, сжимая тяжёлый тесак. На душе у него было так же тяжело. Он чувствовал, что Чжоу Мань делает для него слишком много, а он, обладая целым океаном духовной энергии, ничем не может помочь... Ци?

— Чжоу Мань, — позвал он. — Давай я научу тебя культивации?

— Не нужно, — отозвался Чжоу Мань. Голос его звучал натужно — нести тяжёлый ствол было непросто.

— Почему? — Ин Фэйчи замер в недоумении. Он уже готов был пренебречь запретом школы на тайную передачу знаний и открыть ему секреты Ланфэн. Почему он отказывается?

Чжоу Мань не ответил. Молча дотащив бамбук до школы, он нашёл пилу и распилил ствол на чурбаки длиной в ладонь, а затем каждый расколол надвое.

Ин Фэйчи молча наблюдал за его работой, пытаясь понять причину отказа.

Возможно, дело было в характере Чжоу Маня. Но каков он на самом деле?

Он добр, отзывчив и полон сострадания — иначе никогда бы не приютил чужака. Чжоу Мань умеет быть благодарным: он помнит каждого, кто помог ему, помнит долг перед деревней, и именно поэтому остался в этой глуши. Он умен и проницателен, мгновенно считывает людей и находит к ним подход. Он надёжен и спокоен, никогда не паникует. Ин Фэйчи чувствовал, что у Чжоу Маня есть чёткий план на будущее, и каждый его шаг выверен.

Но при этом — он всегда молчит. Сердце Фэйчи дрогнуло. Кажется, он нашёл ключ.

Чжоу Мань никогда не говорит о себе. О том, как тяжело ему пришлось в детстве, о том, через что он прошёл, чтобы стать таким. Он с радостью отдаёт и заботится о других, но сам принимать помощь не умеет. Не из-за этого ли он медлит? Боится, что если примет дар культивации, их отношения перестанут быть бескорыстными? Что Фэйчи решит, будто его приютили только ради магии?

— Готово, — Чжоу Мань сложил бамбуковые пластины в спортзале. Утирая пот, он подошёл к Фэйчи: — Я разложил их по размеру. Большие — на востоке, маленькие — на западе. Сначала тренируйся на крупных, а когда начнёт получаться, переходи к тем, что поменьше.

— Чжоу Мань, — Ин Фэйчи поднял на него взгляд. — Ты боишься, что если я начну тебя учить, всё превратится в сделку? Что между нами не останется ничего чистого?

Чжоу Мань вздрогнул и плотно сжал губы, не проронив ни слова.

— Ты не хочешь быть должным мне, а я не хочу быть должным тебе, — продолжал Фэйчи. — Тогда давай просто разбежимся. Только совершенно чужие люди могут ничего друг другу не задолжать. Но мы ведь решили жить вместе, как мы можем не зависеть друг от друга? Ты хочешь заботиться обо мне, но неужели ты думаешь, что я не хочу помочь тебе?

Он заглянул Чжоу Маню в самые глаза, и слова сами сорвались с губ:

— Чжоу Мань, на стадии Возведения Основания живут три сотни лет. Простые люди едва дотягивают до восьмидесяти.

«Ты правда хочешь, чтобы я один прошёл этот бесконечный путь в тысячи лет? Ты так бережёшь меня... неужели тебе не страшно оставить меня одного под ударами судьбы?»

Понимал ли он сам, какой смысл вложил в эти слова? У Чжоу Маня разболелась голова. Никакое искушение не сравнилось бы с этой фразой. Он не выдержал и тяжело вздохнул:

— Ну вот, всё за меня сказал.

— Что это значит? — Ин Фэйчи схватил его за руку. — Ты согласен?

— Согласен, — кивнул Чжоу Мань. — Ты ведь всё равно не отвяжешься, верно?

— Ещё бы! — Ин Фэйчи просиял и, подпрыгнув, радостно обхватил его руками. — Чжоу Мань, я так счастлив! Сам не знаю почему!

Чжоу Мань, чувствуя на талии его руки, тоже улыбнулся. И он тоже не знал почему.

<http://bllate.org/book/17459/1693827>